

На небе поблизости рассыпалось несколько ярких точек, крошечных огоньков, и, поднимая голову, так хотелось, чтобы они упали прямо в глаза.

Тан Сяожань, одетая в длинное платье, держала за руку Сяо Шисинь и, когда ночь ещё не совсем наступила, вела её по извилистому деревянному мосту на краю рыбацкой деревни, постоянно поднимая голову, чтобы посмотреть на небо.

Она улыбалась нескольким звёздам, которые ещё не полностью зажглись.

В отличие от неё, взгляд Сяо Шисинь был направлен вниз, время от времени она подтягивала девушку, которая отклонялась от середины моста, боясь, что если она отвлечётся, та может оказаться на опасном краю доски.

Папа Тан и дядя Сяо, которые с энтузиазмом отправились на рыбалку, уже вернулись в поместье на склоне горы, у них не было желания засыпать под звуки волн, бьющихся о сваи. Даже работники рыбацкой деревни давно зажгли свет и сидели в доме, смеясь над телевизором, их голоса доносились издали.

Тан Сяожань шла, потом вдруг повернулась к Сяо Шисинь, смотрела на неё, и в глазах её постепенно появлялась улыбка.

Она не смогла сдержать широкую улыбку.

Сяо Шисинь смотрела на неё, сначала с нейтральным выражением, но когда увидела, как та улыбается, в её чертах постепенно появилась мягкость, а уголки губ непроизвольно приподнялись.

Небо тихо потемнело, и Тан Сяожань в этом медленно темнеющем мире вдруг почувствовала странное ощущение:

Как будто они шли рядом уже давно, с самого начала времён, до самого конца света.

Пока рыбацкие огни не стали самым ярким светом в мире, Сяо Шисинь, казалось, тоже прониклась этой расслабленной атмосферой и не спеша предложила:

— Пора возвращаться.

Тан Сяожань кивнула и, прежде чем морской бриз стал холодным, крепче сжала руку Сяо Шисинь.

Каменная дорога в горах была освещена аккуратными фонарями, которые извивались, как змея, позволяя спокойно идти по этой дороге даже ночью.

В тихом лесу время от времени слышалось пение насекомых, но это не делало лес, поглощенный тьмой, более оживленным, а, наоборот, подчеркивало его безмолвие.

В такой атмосфере Тан Сяожань чувствовала, что было бы жаль не устроить что-нибудь.

Пройдя меньше пяти минут, она вдруг отпустила руку Сяо Шисинь, присела на корточки и, подперев подбородок руками, объявила:

— Сестрица Синь, я больше не могу идти.

Сяо Шисинь подумала, но не стала идти дальше, просто спокойно стояла на месте, ожидая,

пока та отдохнёт, чтобы продолжить путь.

Под светом фонаря красота выглядит ещё более привлекательной, чем обычно.

Тан Сяожань, подперев подбородок, смотрела на профиль Сяо Шисинь. Короткие волосы, не доходящие до плеч, даже после завивки не смягчили её холодную внешность, а, наоборот, подчеркнули каждую деталь её резких черт лица. Однако сама внешность Сяо Шисинь была словно высечена из камня — холодная, но это не мешало её изысканным чертам выглядеть идеально.

Тан Сяожань смотрела на неё, пока ноги не начали затекать.

Сяо Шисинь снова протянула ей руку, опустив глаза, но тьма в её глубине была освещена фонарем, и длинные ресницы не могли скрыть человека, которого она видела перед собой.

Тан Сяожань схватила эту белую руку и не хотела отпускать, вставая и одновременно приближаясь, другая рука легла на плечо Сяо Шисинь, и их лица оказались так близко, что дыхание смешалось.

Сяо Шисинь, когда та приблизилась, снова рефлекторно отстранилась.

Тан Сяожань надула губы, смотря на неё круглыми глазами, сделала шаг вперёд и буквально повисла на Сяо Шисинь, прижимаясь к её шее и кокетливо сказала:

— Сестрица Синь, ну дай мне поцеловать тебя хоть разок~

Сяо Шисинь не хотела соглашаться, она боялась, что после этого снова не сможет уснуть.

Но голос обнимающей её девушки звучал так жалобно, что она с трудом сдержалась, её горло сжалось, она отвела взгляд в сторону тёмного леса и через некоторое время похлопала Тан Сяожань по плечу:

— Сначала встань ровно.

Услышав это, Тан Сяожань мгновенно встала по стойке смирно.

Только её карие глаза смотрели на Сяо Шисинь с ожиданием, не отрываясь от её губ.

Они выглядели так, будто их приятно целовать.

Сестрица Синь, наверное, очень приятно целовать.

Почему-то, даже не прикоснувшись, она уже представляла, как это будет.

Тан Сяожань чувствовала, что она действительно пропала, как будто все её предыдущие отношения были просто игрой, и только встретив Сяо Шисинь, все те мысли, которые никогда не возникали, внезапно пробудились.

Пока она немного отвлеклась, мягкая прохлада коснулась её губ.

Поцелуй Сяо Шисинь был лёгким, и она быстро отстранилась.

Как будто человек, держащий бокал с вином, очарованный его ароматом, лишь слегка коснулся края бокала губами, боясь, что если не отстранится, то не сможет удержаться и

выпьет весь этот нектар.

Тан Сяожань даже подумала, что ей показалось.

Только когда её рука оказалась в руке Сяо Шисинь, и она невольно пошла за ней вверх по горе, она поняла, что произошло.

И тут же почувствовала, что упустила миллион.

Держа руку Президента Сяо и покачивая ею, она надула губы и жалобно сказала:

— Этот поцелуй не считается! Сестрица Синь, это вообще не поцелуй! Давай я покажу тебе, как это делается?

Сяо Шисинь... Сяо Шисинь просто ускорила шаг.

Тан Сяожань пришлось смотреть под ноги, почти бежать за ней в гору, и вскоре у неё не осталось сил говорить, так она и дошла до вершины.

На вершине их руки разжались, и, наблюдая, как Сяо Шисинь быстро вошла в гостиную, Тан Сяожань от досады топнула ногой.

Аааа! Либо сдерживаешься до предела, либо сходишь с ума!

Однажды!

Не то что поцеловать — она обязательно прижмет Сяо Шисинь к кровати и будет делать с ней всё, что захочет, пока не удовлетворится!

Девушка, поставившая перед собой такую грандиозную цель, тяжело дышала, как собака, и, войдя в гостиную, ещё не пришла в себя, а, подойдя к дивану, сразу же без сил плюхнулась на него, как сушёная рыба, и замерла.

Тан Сяоюй, который с кем-то яростно сражался в игре, почувствовал, как диван подался под весом, и, мельком взглянув, с леденцом во рту съязвил:

— Эй, вы же пошли на прогулку? Судя по твоему виду, сестрица Синь заставила тебя пробежать марафон?

Тан Сяожань с трудом перевернулась, лежа без сил и тяжело дыша, смотря на огромную люстру в гостиной, которая слепила глаза, еле слышно прошептала:

— Это просто несправедливо... почему... она, которая целыми днями сидит в офисе, оказывается выносливее меня, студентки?

— Очнись, ты вообще себя представляешь? — Тан Сяоюй бросил на неё косой взгляд, не стесняясь в выражениях.

Тот, кто на каникулах целыми днями валяется дома, выходит на улицу только на машине и верит, что жизнь — это покой, вообще может говорить о выносливости?

Это слово уже плачет.

Тан Сяожань, собрав последние силы, протянула руку и швырнула в него подушку.

Затем, как рыба, перевернулась и снова легла лицом вниз.

Полежав некоторое время, она снова набрала немного энергии и, не поднимая головы, спросила:

— А где остальные?

Тан Сяоюй, довольный тем, что его персонаж разрушил вражескую базу, разгрыз леденец и, вежливо переведя взгляд на неё, вспомнив, ответил:

— Папа любит старую архитектуру, так что пошёл с помощником и парой слуг вниз; дядя Сяо сказал, что оставит это место нам, молодым, и тоже ушёл; ну... Тан Сяочжан, наверное, работает.

— Эй, мне тут скучно, завтра поедешь со мной? — Тан Сяоюй хрустел леденцом, но это не мешало ему говорить.

Тан Сяожань посмотрела на него и спокойно ответила:

— Мне тут нравится, завтра езжай один.

В душе она только и мечтала, чтобы Тан Сяоюй поскорее уехал, оставив их, две пары, в раю.

Тан Сяоюй пока не понял намека, все его мысли были заняты игрой, и он размышлял, стоит ли завтра зайти в их любимый клуб.

*

10:30 вечера.

Тан Сяожань сама разогрела себе стакан молока на кухне и, держа тёплый высокий стакан, пошла наверх.

Увидев, как Гу Хэн стоит у двери комнаты старшего брата, в своей дневной униформе, с подносом в руках, и стучит в дверь:

— Тук-тук.

<http://bllate.org/book/16430/1489366>